

Чернотемье

умереть, чтобы выжить

Сергей Пустовойтов

Сергей Пустовойтов

**Чернотемье. Умереть,
чтобы выжить (часть 1)**

«Автор»

2026

Пустовойтов С.

Чернотемье. Умереть, чтобы выжить (часть 1) / С. Пустовойтов —
«Автор», 2026

Все когда-то бывает впервые. Даже смерть. У Матвея были другие планы. Но все изменил один вечер. Даже нет, все изменил один разговор. И теперь он в загробном мире, подчиняется совсем другим правилам. Сейчас, пока вы читаете эти строки, возможно, он уже подбирается прямо к вам...

© Пустовойтов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Сергей Пустовойтов

Чернотемье. Умереть, чтобы выжить (часть 1)

Глава 1

Для всех я умер

Приглушенный смех входил в сознание Матвея мягко, как нож в раскисшее сливочное масло. Потом он сменился бормотанием. Даже не бормотанием, а гулом, в котором невозможно разобрать ни единого слова. И снова – смех. Он доносился откуда-то издалека, и, кажется, сверху.

Дрожащие веки тяжело поползли вверх, словно на них окаменела каждая ресница. Матвей хотел закричать: «Помогите!» вслед тающему разговору. Но вместо крика из груди вырвалось свистящее шипение. Тело саднило во всех местах одновременно. Острая боль молнией вспыхивала на затылке, пускала корни по всей голове, добиралась до висков и там гасла.

Но от этой же боли сознание медленно оживало. Матвей лежал на боку, носом уткнувшись в землю, с неестественно вывернутой и подогнутой под живот рукой. Что с ним? Сломан позвоночник? Парализовало? Так, без паники! Матвей осторожно качнул ступнями. Все отлично! Работают! На всякий случай пошевелил пальцами правой руки. Норм! Теперь левая. Матвей аккуратно, насколько это было возможно, перекатился на спину и тут же отчаянно взвыл. Адская боль прошла руку от запястья до плеча. Кажется, вывих. Наверное, если бы был перелом, он бы наверняка потерял сознание. Матвей попытался привстать, опершись о здоровый локоть, но неуклюжая попытка отозвалась новой вспышкой боли.

Матвей снова растянулся на неровной прохладной поверхности. Так, надо попробовать мыслить логически. Не подвешен за ноги, уже хорошо. Значит, глазные яблоки не раздуются и не выпадут из орбит, почерневшая голова не отчет до размеров футбольного мяча, и он не умрет от кровоизлияния в мозг, если раньше не захлебнется в собственной рвоте.

Судя по тому, что он не привязан, его в принципе не планируют пытаться и не хотят кому-нибудь скормить, например, голодным свиньям. Хотя, конечно, нельзя утверждать наверняка. Нет, он лежит. Очевидно, что не в постели. Тело Матвея обволакивало что-то мягкое, но не сказать, что уютное, голыми руками и шеей он ощущал что-то склизкое. Явно не матрац. Скорее, мох или глина. А может, и то, и другое.

Он жив – и это главное! Но что-то было не так. Что-то, что угнетало сознание, мешало надеяться на лучшее. Что-то, от чего и без того слабое дыхание становилось еще тяжелее. Точно. Это был запах! Не запах, а невыносимая вонь. Смерд! Матвей почувствовал себя носком на ноге у бомжа из электрички, после которого «ароматический шлейф» из мочи, давно немытого тела, нестиранной одежды и гниющих рук еще долго держится в воздухе.

Даже нет, воняло гораздо сильнее, и от этой вони становилось жутко. Это было что-то удушающе сладкое, вперемешку с запахом прокисшего молока и плесени. Как будто рядом сдохло то, что когда-то бегало на четырех лапах. А может, и ходило на двух ногах. Едкий смерд расплавленной резиной впивалась в кожу. Матвей принялся жадно хлебать воздух ртом, лишь бы не дать этой отраве добраться до носа. Но растворенные в темноте токсины застревали в горле и, прежде чем провалиться в желудок, вызывали приступы тошноты.

Сколько времени он провел в отключке? Два часа? Сутки? Дольше? Впрочем, какая разница. Гораздо важнее, что с ним случилось, и как он оказался в этом вонючем мешке.

Может, он стал жертвой медведя? Они ведь только в мультиках добрые и пушистые. В жизни же – свирепые убийцы, ударом одной лапой легко могут превратить ребра в сломанный штакетник. Они прикапывают тело, чтобы мясо подгнило. Им так вкусней. «Да ну какие медведи!» - если бы у Матвея было больше сил, он бы даже хохотнул от этой мысли. В самом деле, придет же в голову всякая ерунда! Чтобы встретиться с медведем, нужно уехать от города за тридевять земель, а, насколько помнил Матвей, в электричку он не садился. Но допустим! Допустим, у него отшибло память и он не осознавал, что делает. Сейчас-то он явно находился не под открытым небом. Да и не было ощущения, что он присыпан землей и травой. К тому же, совсем недавно он слышал голоса. Не тихие и вкрадчивые, как обычно общаются в лесу, чтобы не привлечь к себе внимания какой-нибудь неприветливой нечисти, которая заставит кружить по лесу, пока не измотает в конец. Нет, это был безмятежный и громкий смех, как будто стреляли из пулемета. В любое другое время такой смех вызывал у Матвея сильное раздражение. Но буквально несколько минут назад он его согрел, как теплый летний вечер, дал надежду на спасение.

Матвей закрыл глаза в надежде, что это заставит работать память. В голове замелькали картинки. Так, вот они с Кирой сильно поругались. Он выскочил из дома, хлопнув на прощанье дверью. И, кажется, пошел в парк, где больше шансов встретить серийного убийцу, но уж никак не медведя. Мозг выхватывал из рапида деревья, людей, потом в голове взорвалась боль и дальше – темнота и вонь, заполняющая легкие.

Черт, да где же он?

Кажется, в колодце. А вот это уже больше похоже на правду. Наверное, так вонять может только в умерших колодцах, куда не раз падали мелкие животные, а потом медленно разлагались, не имея возможности выбраться на свободу из этой ловушки с отвесными гладкими стенами. Судя по трупной воню, Матвей вполне мог оказаться в общей могиле. Наверняка, если пошарить вокруг, можно нащупать чьи-нибудь останки.

Так, а ведь у него должен быть телефон. Почему он не слышит его трель? Кира наверняка ему уже обзвонилась. Превозмогая боль, Матвей провел рукой по джинсам. Пусто! Ну кто бы сомневался. Скорее всего, его просто ограбили и оставили подыхать. Судя по тому, как раскалывалась голова, к ней крепко приложились каким-нибудь тупым предметом. Или как там пишут в протоколах? Надо понять, как отсюда выбраться. Или он многого хочет?

Крикнуть не получится. Ползти – без вариантов. Да и некуда. Тогда что? Думай! Думай! Думай!

От дикого напряжения резко разболелась голова. Боль сдавила виски и с каждым ударом сердца пинала затылок. До чего же ядовитыми бывают слезы! Они разъедали глаза. Боже, как сильно они разъедали глаза! Матвей предпринял еще одну попытку оглядеться и осторожно повернул голову. Но это движение лишь вызвало очередную волну тошноты. Лоб увлажнился. Матвей застыл в ожидании, когда приступ стихнет.

Вдруг у ног послышалось вкрадчивое шуршанье. В его джинсы кто-то уткнулся и, вцепившись когтями, попытался их сдернуть.

«Нет! Только не крысы!» - Матвей в секунду покрылся испариной. Уж они-то будут страшнее медведя. Хотя кого он ожидал здесь встретить – лебедей?

Осторожное шуршанье приближалось. Матвей представлял, как серая тушка проворно передвигает крохотными, почти игрушечными лапками с тонкими коготками, и подкрадывается все ближе и ближе. Застывает на миг, чтобы убедиться, что впереди ей ничто не угрожает. И снова продолжает движение. Вместе со звуками шуршанья нарастала невыносимая тоска, от которой хотелось плакать. Вскоре Матвей почувствовал, как в левую руку, которая лежала плетью на животе, уткнулись крохотным прохладным носом.

Раздался писк. В этих прерывистых звуках Матвею почудился радостный хохот при виде невесты откуда взявшейся еды.

Матвей дернул рукой. Она едва пошевелилась, зато тут же о себе напомнила адская боль. Сердце отчаянно заколотилось о грудную клетку, его удары уносились в окружающую темень и там гасли. Матвей застонал от бессилия и злобы на себя, на эту боль, на темноту.

Но и слабого движения оказалось достаточно, чтобы маленький серый грызун испуганно шарахнулся в сторону. Матвей чувствовал, что мерзкая мелкая тварь затаилась где-то в углу и сейчас внимательно его изучает. Два маленьких черных глаза, - всего-то размером с пуговичку! - здесь, в ограниченном пространстве, вгоняли в ступор и пугали не меньше, чем бродячая разъяренная собака на улице. Спина Матвея медленно покрывалась коркой льда, язык превращался в высохшую древесную кору. Внезапно шуршание возобновилось.

«Да ну нет!» - обреченной выдохнул Матвей.

Но теперь звереныш осмелел. Он больше не тянул время. Распарывая кожу своими резиновыми лапками, впиваясь в нее, чтобы не соскользнуть, он проворно взобрался по руке, как по мостику, на живот и там застыл, поднявшись на задние лапы. Матвей чувствовал неприятную тяжесть в области печени. Сердце уже не билось о грудную клетку, а сваливалось на нее – как обессиленный человек, который снова и снова налетает на дверь в попытках ее выломать.

«Пум Пауза. Пум. Пауза»

Зверь мог броситься в любой момент. И, скорее всего, он тут не один. Так, разведчик, которого сородичи отправили, чтобы выяснить, не представляет ли потенциальная добыча угрозы для них самих.

Матвей представил, как серое войско окружит его. Начнут вгрызаться острыми, как алмаз, зубами в его плоть в поисках белка. Обглодают уши и нос, оставив только нелепо торчащие окровавленные хрящи, в животе пророят туннели, постепенно добираясь до внутренних органов. А он ничего не сможет сделать. Будет только медленно умирать от болевого шока под чавканье этих маленьких злобных тварей и под звуки отрывающихся от его тела кусочков мягкого мяса.

Матвей осторожно вдохнул. Задержал дыхание. Медленно приподнял правую руку и метнул ее туда, где чувствовал тяжесть на животе. Ладонь схватила мягкий теплый комок, который жалобно запищал и начал отчаянно бултыхать лапками, добираясь до кожи и вспарывая ее когтями. Тельце звереныша, ставшее гуттаперчевым, выгибалось в разные стороны в попытке вырваться. Он отчаянно боролся за жизнь. Его хвост елозил по запястью. Указательным пальцем Матвей чувствовал шею крысы. Он со злостью, и даже с яростью, какой никогда в своей жизни не испытывал, сжимал кулак все сильнее. Раздался легкий хруст. Шерстяной комок, последний раз дернувшись, обмяк и превратился в тряпку. Размахнувшись, Матвей с остервенением отшвырнул безжизненное тельце в сторону.

«Шмяк» - тут же раздался глухой удар.

«Похоже, я точно в колодце», - подумал Матвей.

Это была последняя мысль. От резкого движения тело прорезала острая боль, будто внутри прокрутили штопор. Матвей отключился.

Когда он очнулся, то понял, что боли больше нет. Вообще! Кажется, вместе с ней исчез и жуткий запах. Но темнота Ее как будто стало больше. И она мелко подрагивала. Матвей никогда раньше и представить не мог, что темнота может дрожать. По ногам поползла прохлада. Она добралась до колен и медленно, миллиметр за миллиметром, гиеной пробиралась все выше, словно пыталась достать до горла. Когда она накрыла лицо, Матвей почувствовал себя освобожденным, как воздушный шарик, запрыгавший на ветру.

До чего же здорово! Когда! Ничего! Не болит!

Его глаза облегченно закрылись.

«Прощай, Кира» - напоследок прошептал он возникшему в памяти образу светловолосой смеющейся девушки.

Но, кажется, это был еще не конец.

Черная извивающаяся воронка подхватила Матвея с сырой земли и швырнула о стену. Еще раз. И еще. Кто-то истошно колотил им о каменную поверхность, будто хотел разнести ее вдребезги.

Сколько прошло времени, Матвей не имел понятия. Секунды, минуты и часы сбились в пену и растворились в воздухе.

Внезапно сгусток тьмы, который мотал туда-суда Матвея, рассеялся и он грохнулся на землю. Боковым зрением он уловил рядом с собой движения. Кто это? Долгожданные спасатели? Убийца, который захочет поставить на нем страшные опыты? Нет, это снова ожила темнота. Но на этот раз она билась в конвульсиях. Пробегающие по ней волны дрожи то и дело разбивались друг о друга. Из нее медленно выползали руки и больно тыкали в Матвея своими переломанными и скрюченными пальцами.

«Я что, теперь вижу в темноте?» - мелькнуло у него.

Матвей не успевал сосредоточиться и на том, что уже стоит на ногах, не отключаясь от боли, и пытается увернуться от вездесущих пальцев. От них исходил невыносимый холод. Каждый раз, когда они прикасались к Матвею, его тело индевело. Следом появились и морды с размазанными носами и бородавками, переползающими с одного места на другое. Они по очереди застывали перед лицом Матвея и таращились на него своими выдавленными глазами.

Парализующий волю хаос усиливался и вот уже Матвей висит в воздухе, а темнота вокруг него начинает сумасшедшее вращение. В этой воронке становилось все теснее, как если бы он застрял в мусоропроводе. Наконец, тьма впилась в Матвея, увлекла за собой в бешеный круговорот и, приблизившись к стене, растворилась в ней.

Матвея несло по виляющему туннелю, по которому рассеивался мягкий бело-желтый цвет. В бесконечную высь убегали ровные отполированные стены, - кажется, из мрамора или гранита, по которым сползали капли воды. Внизу копошились существа с рыбьими головами, прилепленными к телам, которые походили на разделанные кроличьи туши. Они опирались о землю лапами-обрубками и жадно ловили каждую каплю. Не давая ей разбиться, они со стоном втягивали в себя живительную влагу, а не в силах дожидаться следующую, бросались на стену, стараясь дотянуться как можно выше.

Одно из существ повернуло голову и уставилось на Матвея. Он заметил спрятанные под набухшими веками серебристые зрачки с черным крестом посередине. Этого мгновения оказалось достаточно, чтобы пропустить вожаемую каплю воды. Которая сорвалась со стены, и не спеша растаяла в земле. В ту же секунду тварь зашлась в немом крике, обнажив сгнившие зубы-сталактиты, ее зрачки погасли, а тельце забилося в припадке. Отчаянно цепляясь за землю, существо кое-как подползло к стене, отыскав свободный клочок, и жадно припало к ней пастью. И не отрывалось до тех пор, конвульсии не прекратились.

«Неужели меня ждет участь превратиться в одного из ползающих внизу обреченных созданий и навсегда остаться в этом жутком лабиринте?» – подумал Матвей.

Но извивающийся коридор исчез так же резко, как и появился.

Нет, Матвей, тебе уготована иная судьба. И очень скоро ты об этом узнаешь.

Глава 2

Все дороги ведут в темноту

Темнота выплюнула Матвея и он плашмя грохнулся на что-то мягкое. Лежа на спине, пошарил рукой. Как будто трава, только очень мокрая. Судя по запаху застоявшейся и затхлой воды, он на болоте. Матвей сел и огляделся. Повсюду, насколько он мог видеть, мерцали огни, словно кто-то недавно прошелся здесь со спичками в руках и зажег фонари. Они распространяли вокруг себя рассеянный зеленоватый свет, который придавал этому месту еще более злобный вид.

Похоже, он на островке. И этот островок тихо подрагивал, как если бы оказался в джакузи и снизу его толкали тысячи пузырьков.

Матвей пытался осмыслить произошедшее. Он совершенно не понимал, как оказался в непонятном месте за считанные секунды. Совсем недавно рисковал быть съеденными крысами, а теперь находится в безопасности посреди болота. Хотя какая к черту безопасность, если окажется, что отсюда уже точно не выбраться. Осталось понять, так ли это.

Матвей заметил рядом с собой два пригорка. Поднявшись на ноги, он сделал по направлению к ней один шаг, другой. Ему кажется, или островок стал подрагивать еще сильнее? Да, так и было. Теперь Матвея покачивало из стороны в сторону. Если так пойдет и дальше, то он не просто не сможет удержать равновесие.

«Веселенькая перспектива», - подумал он.

Взобравшись на бугорок, Матвей для большей устойчивости широко расставил ноги и огляделся в надежде увидеть хоть что-то отдаленно напоминающее сушу. Если повезет, костерок. Но видел только поверхность воды, спокойствие и безмятежность которой нарушала рябь, расползающаяся от дрожащего островка. Так бывает, когда кто-то случайно толкает стол, и вода в стоящем на нем стакане начинает недовольно морщиться...

Осмотреться как следует Матвей не успел. Его зашатало. Ему показалось, что твердь под ним сейчас разверзнется и он улетит в пропасть. А куда еще можно улететь после всего, что он увидел и пережил за короткое время? И скорее всего, он угодит в пасть какого-нибудь кровожадного непотребства и последнее, что запомнит, как его размазывают стертые гнилые зубы.

Земля под Матвеем с чавканьем расползалась, как будто на ней лопнул шов и две части одного целого теперь с радостью освобождались друг от друга. Снизу просачивался лиловый цвет. Он лизнул белые кроссовки Матвея. «Блин, где я успел их изгваздать?» - машинально отметил Матвей, заметив на них подсохшие кусочки земли.

Лиловая пропасть меж тем становилась все шире. Она уже достигла таких размеров, когда нельзя перепрыгнуть на противоположный берег. Матвей предпринял попытку соскочить с этого бугорка, но не тут то было. Встряска, и вот он летит в лиловую бездну, отчаянно махая руками, но хватая только воздух.

Это все!

Матвей обреченно закрыл глаза и приготовился к долгому падению, в конце которого почувствует, как на его шее смыкаются острые клыки. Он удивился, когда вместо этого приземлился на прохладную и очень скользкую поверхность, как будто ее облили подсолнечным маслом. Матвей проехался по ней лицом вниз, ощутив во рту вкус холодного вареного яйца. Вскочив, он попытался разом восстановить равновесие и сбившееся дыхание, и яростно сплюнул, избавляясь от ненавистного с детства вкуса.

«Да что происходит!» - застонал он, когда прямо под ногами стало проявляться пятно, похожее на кляксу. – «Что дальше, оно начнет вырабатывать кислоту? И вообще, не многовато ли испытаний на единицу времени?»

Но уже в следующую секунду где-то в районе поясницы пробежал холодок и она стала немочь, словно в нее вкачали литр анестезии. Это была не просто клякса, а черный зрачок, впившийся в небо.

Выходит, Матвей ногами упирался в чей-то глаз? И если он размером с хорошую лужу, то как же выглядит то, чьей морде они принадлежат?

Матвей почувствовал себя микроскопической соринкой. Да и глаз, кажется, тоже принял его за инородный предмет. Желая от него освободиться, зрачок бешено заметался по лиловому озеру, истошно ударяясь о его берега.

Матвей попятился назад. Он старался наступать как можно мягче, чтобы не привлечь к себе внимание. Но опоздал. Уже в следующее мгновение лиловый свет пробился из соседнего, до сих пор дремавшего бугорка. А следом, из третьего, четвертого...

«Сколько же у него этих глаз?!» - с тоской подумал Матвей.

Он оглянулся. Ни палки, ни самого крохотного кустика, которые можно было бы воткнуть в глаз перед тем, как погибнуть. И пусть бы мучилось!

Осознав, что терять ему больше нечего, Матвей в два прыжка преодолел оставшуюся часть лиловой лужи, уже больше не пытаясь казаться незаметным, и выпрыгнул из нее. Только как будто что-то изменилось... Да, теперь зрочки не бегали хаотично по кругу, а косили в сторону Матвея. Он словно находился в зеркальном лабиринте, и из каждого зеркала на него пялился вездесущий зрачок.

Да и проклятое болото ожило.

Из самой его глубины нарастал резкий звук, как будто кто-то жевал сухой картон.

- Ышшшшшаааа – Матвей крутил головой, стараясь угадать источник звука. Но он окружал его со всех сторон. Даже нет, он как будто рождался в его голове, усиливался и, не в силах удержаться, выплескивался наружу и заполнял собой все пространство. Этот звук причинял невыносимую физическую боль. Матвей словно хватанул ртом ледяной воздух и теперь он медленно осыпался внутри стальными тонкими иглами, заставляя сердце пропускать удары и наполняя его диким ужасом. Хотелось не просто заткнуть уши, а вырвать их, чтобы больше никогда не слышать ничего подобного.

-Пшхххrrrrrrrrr... – иголки становились все острее. Матвей начал корчиться, пытаясь принять позу, в которой они бы причиняли не такую сильную боль. Но, кажется, с каждым движением их становилось все больше и они облепляли сердце, легкие, печень, не давая нормально дышать.

Что этот голос хочет сказать? Зачем он его мучает? Что ему вообще надо?

Краем глаза Матвей выхватил появившегося вдали над водой извивающегося червя. Следом еще одного, и еще. Матвей во все глаза наблюдал, как они выныривали из болотной жижи друг за другом. Вокруг словно рос бамбуковый лес. Только этот «бамбук» рисовал в воздухе восьмерки, закручивался в спирали и тут же распрямлялся. В любое другое время их ритуальный танец мог бы выглядеть завораживающе. Но не сейчас. Матвей нутром ощущал, что они несут для него опасность.

«Да ведь это же щупальца гигантского чудовища, на голове которого я сейчас стою»,
- догадка едва не сбила его с ног.

Даже боль на фоне этой острой как бритва мысли отступила. Хотя, нет, ее причинял плывущий над болотом звук, а оно наконец-то заткнулось.

Удерживать равновесие становилось все сложнее. Матвей чувствовал, как приподнимался над поверхностью воды. Черничные зрачки, не моргая, следили за ним. Уже в следующее мгновение раздалось чавканье вперемешку с квакающими звуками втягивающейся воды. Такой обычно производит раковина, трубы в которой заросли жиром.

Тварь двигала челюстями в предвкушении обеда. Или ужина. Какое сейчас время суток, Матвей не имел понятия, и разбираться в этом ему совершенно не хотелось.

Он снова впился взглядом вдаль. Черви-щупальца плавно двигались в его сторону. Матвей знал, что рано или поздно тугой скользкий канат обмотается вокруг его тела, лишив возможности пошевелить даже пальцем. А после отправят его прямиком во влажную и дурно пахнущую глотку. Щупальца и сейчас легко могли бы до него дотянуться, но, похоже, они были уверены, что жертва уже никуда от них не денется, а потому растягивали удовольствие. Они легко и даже завораживающе разрезали воду. Все это происходило в абсолютной тишине, как если бы болото было не затоплено водой, а завалено ватой.

Но из глубины болота снова начал выползать болезненное: «Ышшааапхррр...»

Матвей уже и забыл, как может быть больно. От тысяч иголок, снова разлетевшихся внутри, он сложился, как мексиканский тако.

«Вытащите меня отсюда, я сделаю все!» – заорал он, сам от себя не ожидая.

Кому именно были обращены его мольбы, и что именно он обещал, Матвей понятия не имел.

Но в ту же секунду голос болота заглушили звуки хлопающих крыльев. Матвей впился глазами в небо. Он никого не увидел. Только почувствовал, как что-то больно сжало его плечи, и он взмыл вверх. Прежде чем раствориться в чернильной темноте, Матвей увидел, как внизу бешено заматались щупальца, пытаясь дотянуться до ускользающей от них добычи. Несколько раз они просвистели совсем рядом. Но было уже не достать. Осознав это, щупальца последний раз дернулись в судороге и скрылись в жиже.

Лиловые глаза потухли. Чудище застыло в ожидании следующей жертвы.

Неизвестное существо молча несло Матвея над землей. Удивительно, но он совсем не задыхался от нехватки кислорода. Наоборот, чувствовал себя очень комфортно, ему даже нравилось – всегда мечтал летать, как птица. Он пытался рассмотреть своего крылатого спасителя, хотя и не был до конца уверен, что может так его называть. Подкрадывалась подлая мыслишка, что впереди поджидает еще более жуткий конец, и уж лучше было бы погибнуть от щупалец прожорливого осьминога.

Матвей еще раз дернулся. Но уже не только для того, чтобы удовлетворить любопытство. Его тело скрючилось и нестерпимо ныло. Матвей чувствовал, как от прилившей к лицу крови оно нагрелось, как настольная лампа. Кожа на шее натянулась, как на футбольном мяче – того и гляди, лопнет. Подбородок был накрепко к ней прижат, не повернуться. Плечи врезались в скулы, из-за чего можно было даже не пытаться приподнять руки. Ноги безжизненно висели в воздухе.

Краем глаза Матвей видел только уродливые когти на своих плечах. Они-то и лишали его возможности двигаться. Матвей попытался понять, в каких местах чувствует боль. Насчитал четыре болевые точки в каждом плече. Значит, на каждой лапе по столько же когтей. Он ковырялся в памяти, пытаясь выудить оттуда все, что знал о птицах. Да у них почти у всех по четыре когтя! Даже у курицы. Черт, меньше всего Матвею хотелось, чтобы его спасала какая-нибудь хохлатая несушка. Они вообще-то не летают, но в этом странном мире возможно все. «Только бы не курица! Только бы не курица! – взмолился он. – Пусть меня несет кондор или орел!»

Сколько они уже летели, Матвей понятия не имел.

«Все дальше и дальше от Киры», – думал он с тоской.

Постепенно светлело. Только не от солнца, а от Луны, которая из маленькой точки на небе превращалась в шар. От нечего делать Матвей пялился на проплывающую внизу землю, все равно других развлечений не было и не предвиделось. Впрочем, то, что он видел, не вносило разнообразия. Повсюду, куда ни глянь, простирался грязно-коричневый ковер, украшенный кое-где седыми прядями. То тут, то там заплатками зеленели поляны. Яркие, словно облитые зеленкой, они казались сверху не больше чайного блюдечка. Ни домика, ни железной дороги, ни шеренги столбов, соединенных металлическими струнами. Ничего того, что хотя бы наме-

кало на присутствие в этом лесу человека. Странно, но при этом он был изрезан беспорядочными просеками, как будто здесь затевалась грандиозная стройка, но ее пришлось свернуть.

Неожиданно существо начало снижаться.

«Прилетели?!» - сердце Матвея екнуло.

Нет, полет продолжался. Но теперь, когда лес стал ближе, он казался еще угрюмее. Изумрудные листья, которые должны были звенеть на ветру и радостно перешептываться, скрутились и превратились в мумии. Они потемнели, будто их облили кипятком, и обреченно пялились в землю. Деревья то тяжело взбирались на холмы, то застывали перед глубокими рваными оврагами, осторожно, по одному, опускаясь по склону на его склизкое дно. В некоторых местах они вдруг превращались в колонну лысых палок с торчащими в разные стороны кривыми ветками-обрубками. Их листья давно опали и, смешавшись внизу с водой и землей, за долгие годы превратились в чавкающую топь. Ни одна птица не перелетела с ветки на ветку, ни один хищник на поляне не вытянул шею, плотоядно изучая непрошенных гостей. Лес был мертвенно пуст. Только верхушки тонули в сизых испарениях, которые и создавали иллюзию рисунка. В воздухе расплзалось ощущение страха и тревоги. Оно невидимой волной поднималось из лесной утробы, огибало деревья и пыталось дотянуться до Матвея. Его язык присох к небу, а ноги заиндевели так, будто он прыгнул в сугроб.

Матвей боязливо подтянул колени. В ту же секунду туман ожил. Отовсюду, насколько мог видеть Матвей, в его сторону поползли извивающиеся белые нити. Они становились все гуще. Разбухали и пузырились, как манная каша.

Периодически из молочно-белой жижи проступали раздутые человеческие тела, похожие на гипсовые скульптуры. Как по течению, их несло по этой жуткой реке. Они всплывали, глядя перед собой слепым взглядом. Плавно качнувшись, как в невесомости, поворачивались затылками, и снова скрывались в молочной глубине. Из самого нутра к Матвею тянулись такие же гипсовые руки со скрюченными пальцами.

Матвей брезгливо поморщился. В воздухе потянуло смрадом, как от протухших яиц. Он начал наполняться голосами.

Они нежно шептали: *«Иди к нам, мальши»*.

Требовали: *«Немедленно спускайся, несносный мальчишка!»*

Капризничали: *«Ты нам очень нужен»*.

Хихикали, как в механических игрушках: *«А у нас весело»*.

Хныкали: *«Нам без тебя плохо»*.

Эти голоса перебивали друг друга, сливались в жуткий хор. Матвей никогда не был в доме сумасшедших, но ему казалось, что он выглядит именно так.

Матвей слеплял глаза, и тут же их распахивал, потому что неизвестность пугала еще сильнее. Он опускался все ниже. Еще пара взмахов, и Матвей легко смог бы пробежаться по верхушкам деревьев.

Желудок Матвея сжимался в комок и готовился извергнуть из себя все содержимое. По лбу струились капли пота. Он уже поджал под себя ноги, насколько это было возможно, и оцепенело наблюдал за скрюченными пальцами, которые были уже совсем близко.

«Только не опускайся!» - попытался закричать существу, которое тоже причиняло ему боль. Но эта боль не шла ни в какое сравнение с тем, что он ощущал в этой преисподней. Однако из-за присохшего к небу языка вместо крика изо рта вырвалось шипение, как из надувного матраца.

Белая жижа сошла с ума. Пузыри на ее поверхности надувались и лопались, разбрасывая вокруг себя сотни мелких капель. Тела истошно крутились, как будто попали в стремительный водоворот. Дрожащие руки подбирались к Матвею все ближе.

«А может, меня специально принесли в этот лес, чтобы скормить этой жиже?» - обреченно думал Матвей. Но трезвомыслящая часть мозга логично возражала: «Тогда зачем меня спасали от осьминога?»

И вообще, не многовато ли стало желающих его сожрать?

«Ну, иди же, иди к нам», - крепи голоса, а сам туман уже стал таким же вязким, как сливки на пирожном.

Молочные руки остервенело раздвигали деревья. Некоторые, не устояв, обреченно валились на своих собратьев, вырывая с корнем и их.

Страх скрутил внутренности в тугой узел. Сердце колотилось. И с каждым стуком эти руки становились все наглее. Еще чуть-чуть, и они схватят за кроссовки и утянут вниз, не оставив надежды на спасение. Матвей не понимал, почему они ожили, ведь еще совсем недавно они были похожи на тонкую паутину. Его страх был таким сильным, что если бы он не был намертво зафиксирован цепкими когтями, его обессиленные руки давно разжались бы и он с головой увяз бы в этой молочной каше.

Стоп! – от неожиданной догадки Матвей даже вздрогнул.

А разве туман стал превращаться в кашу не из-за его страха? Ведь все началось после того, как он почувствовал животный ужас, исходящий от этого леса.

А что если этот туман питается именно страхом? И эти гипсовые люди-статуи погибли только потому, что боялись?

Так, значит, надо перестать трястись! Надо придумать, как побороть страх до того, когда Матвей опустится критически низко, и для него все закончится навсегда. Он лихорадочно перебирал в памяти все известные ему способы борьбы со страхом и паническими атаками. И тут он вспомнил про самолет.

Матвей боялся летать на самолетах. Конечно, он летел и сейчас, но это были совсем другие условия, не говоря уже об обстоятельствах. Все-таки для птиц, или кто его там нес, небо – своя стихия. А металлические конструкции с крыльями, которые смастерил человек, вторгаются туда, где им, возможно, не рады. Каждый раз, заходя на борт, Матвей испытывал панический ужас. Он усилился после того, как однажды самолет, в котором летел Матвей с Кирой, попал в сильнейшую турбулентность – за несколько секунд лайнер «провалился» в яму. Матвей потом читал, что самолет «упал» на 900 метров. Перед его глазами еще долго потом стояли пассажиры, которых подкинуло к потолку – и тех, кто в момент «падения» разминал ноги, прогуливаясь по салону, и тех, кто оказался не пристегнут. Сила инерции вырывала пассажиров из кресел. Врезавшись в потолок, они летели обратно. Сверху на них падали подушки, пледы, пластиковые бутылки, из открытых багажных полок валились чемоданы на колесах. Стильные и даже симпатичные на земле, они превращались в свирепых убийц, готовые раз мозжить голову любому.

Одна из женщин упала в проходе рядом с Матвеем. Падая, она цеплялась за полки, спинки кресел. От страха ее вырвало недавно съеденным ужином. Упав, она закричала от ужаса и боли, но ее крик был заглушен паникой, которая охватила весь салон. Самолет качало из стороны в сторону, как будто он был эквилибристом и пытался удержать равновесие на шатком канале. Женщины истошно орали, громким эхом отзывались дети. Командир экипажа пытался всех успокоить, но и его никто не слышал.

Каким-то невероятным чудом никто не погиб. Обошлось даже без серьезных увечий. В аэропорту самолет встречала вереница «скорых», в них погрузили людей с разодранными лицами и переломанными конечностями.

Прошел год после этого случая, прежде чем Матвей решился на полет. Кира, которая увлекалась психологией, посоветовала ему несколько рабочих техник на тот случай, когда страх начнет подкрадываться к самому сердцу.

- Надо сосредоточиться на точках опоры, - учила она. – Если стоишь – это пол. Если сидишь – стул. Если облакачиваешься – поручни. Почувствуй каждую точку, опиши ее и свои ощущения от нее.

«Так, это отпадает, - думал Матвей, продолжая прижимать к себе ноги, отчего пресс задеревенел и с непривычки нестерпимо ныл. – Какая опора, когда я вишу в воздухе и вокруг одна пустота?»

- Сосредоточься на дыхании, - из недр подсознания до Матвея пробивался голос Киры. – Дыши медленно и глубоко. Следи за тем, чтобы выдох был длиннее вдоха. Изучи свой страх. Опиши его как-нибудь смешно. Обзови его. Посмотри ему прямо в глаза. Изучи статистику авиакатастроф, и ты поймешь, что они происходят очень редко.

От одних только мыслей сердце стало успокаиваться. Оно уже не металось по грудной клетке, а монотонно отбивала удары.

«Один... Два... Три... - начала на вдохе считать Матвей.

Дойдя до пяти, пускался в обратный путь: «Десять... Одиннадцать... Двенадцать...»

Голоса умолкли, теперь это были тяжелые вздохи. О-па, и мертвенно бледная жижа стала не такой активной. Значит, он не ошибся в своих предположениях. Руки вытягивались уже не так далеко, как будто резко лишились сил. И чего он их боялся? Да с этой манной кашей он справлялся на ура, размазывал ее по тарелке, беспощадно давил ненавистные комочки. Матвей хохотнул, до того ему стало смешно и от сравнения и от воспоминаний. Почему бы не сделать то же самое и сейчас? Матвей опустил ноги и топнул одной так, будто хотел придавать мерзопакостного таракашку.

Жижа отозвалась стоном, наполненным болью.

«Ах, так? Тогда держи!» - Матвей размахнулся правой ногой, и изобразил пинок, стараясь попасть по одной из этих костлявых рук. Ему даже стало жалко, что он не мог до них дотянуться.

Жижа на глазах серела и превращалась в пористый молочный шоколад. Воздушные пузырьки лопались и расплзались, приобретая привычный пепельный оттенок и расплзаясь легким дымком. О вакханалии, которая только что творилась в этом лесу, напомнили лишь поваленные деревья. Они образовывали те самые коридоры, которые Матвей изначально принял за просеки.

Вдали показалась серая полоска, которая при приближении превратилась в беспокойные свинцовые воды. Лес подкрадывался вплотную к краю обрыва, который полого опускался вниз и, как водная горка в аквапарке, терялся в волнах отшлифованной поверхностью. Когда странный лес остался позади, Матвей повернул голову. Движение тут же отозвалось хрустом в области шеи, висок занял, словно в него вогнали гвоздь. Казалось, что разогнавшиеся деревья наткнулись на невидимую преграду. Ветви не свешивались над обрывом, а были расплющены о прозрачную стену.

Матвей отвернулся, его тело тут же приятно заняло. Прямо по курсу воздух начал закручиваться в спираль, как при зарождении урагана. Его ядро приняло форму черепа, куда и несло когтистое существо. Еще секунда, и... Матвей зажмурился. Он приготовился к тому, что мощные вихревые потоки сотрут его в порошок, или, чего доброго, оторвут руки-ноги. Но к его удивлению, никакой турбулентности не началось. Он приоткрыл глаза, и они тут же округлились. Внутри черепа пространство непостижимым образом расширилось.

Вдалеке замаячил силуэт замка, который примостился на самом краю скалы. Волны с жадностью набрасывались на ее обгрызенную поверхность, словно хотели сбросить каменное сооружение в воду. Но только разбивались на миллионы ртутных капель.

Существо внесло Матвея в открытое окно, но вместо комнаты он оказался в туннеле, сползающем вниз и съедающем по дороге остатки света. Туннель вывел в просторную комнату, у которой, казалось, не было потолка. Здесь было не так темно. Царил легкий полумрак. Стру-

ящийся откуда-то свет позволял видеть лишь на ограниченном расстоянии. Вскоре Матвей почувствовал под ногами твердую поверхность.

«Наконец-то я в безопасности», - подумал Матвей.

Мы часто выдаем желаемое за действительное, чтобы подарить себе хотя бы на несколько минут ложное ощущение, что все будет хорошо. И даже представить не можем, что на самом деле для нас все только начинается...

Глава 3

Вопросы, на которые нет ответа

По квартире Матвея и Киры прошел грозовой фронт. Матвей метался по квартире. Натянул джинсовку, схватил рюкзак.

- И куда ты собираешься? – наблюдая за суетливыми движениями Матвея, едко поинтересовалась Кира.

- Куда-нибудь подальше отсюда, - зло отозвался Матвей, впрыгнул в кроссовки и рванул на себя дверную ручку.

- Ну и вали! - крикнула Кира. - И можешь не возвращаться.

Тяжелая дверь как будто на мгновение застыла, но после медленно прижалась к дверному косяку.

«Щелк!»

Кира зашла на кухню. Схватила со стола чашку и дрожащей рукой отправила ее под струю воды. Та немедленно вырвалась, стукнулась о дно мойки и раскололась на две части.

«Да чтоб тебя!» - чертыхнулась Кира. Это была любимая чашка Матвея, он пил кофе только из нее. – «Вернется и опять начнет возмущаться».

Кира отправила осколки в ведро и остервенением хлопнула дверцей шкафчика, будто она в чем-то провинилась.

«Так, успокойся!» - приказала себе Кира.

Она с ногами забралась на диван в комнате, лихорадочно пролистывала каналы в мессенджере, но мозг совершенно не улавливал смысл прочитанного.

В последний месяц они с Матвеем стали часто ссориться. Причем, из-за пустяков, из-за каких-то нелепиц, на которые в принципе можно было не обращать внимание. Однажды Кира вспылила из-за того, что Матвей забыл поставить свою зубную щетку в стакан – она сиротливо лежала на полке, ее ярко-красная ручка сразу бросилась Кире глаза, стоило ей открыть дверь ванной. Казалось бы, ну что такого? Подойди и воткни ее в стакан. Делов-то на пять секунд. Даже на три! Но Кира вышла из себя.

- Матвей, ну я же просила ставить в стакан! Неужели это сложно? – Кира зашла в комнату и многозначительно помахала зубной щеткой с торчащими в разные стороны щетинами.

- Опаздывал. Забыл, - пожал плечами Матвей, не отрываясь от ноутбука. Лишь слегка повернул голову, чтобы понять, что же именно он забыл поставить в стакан. И равнодушно добавил: - Поставь сама. Неужели сложно?

И Кира сорвалась на крик. Размахивая щеткой, как флагом, она завопила, что не понимает, почему должна тратить свое время на то, чтобы делать его работу. Потом зачем-то переключилась на посуду, которую Матвей почти никогда не мыл за собой, и даже не ставил ее в раковину. Матвей не отвечал, продолжая стучать по клавиатуре. Кира только видела, как каменеют уголки его челюсти. Покричав что-то еще минуту, она резко повернулась и выскочила из комнаты.

В следующий раз ей не понравилось, что Матвей подключил к ноутбуку сабвуфер, чтобы посмотреть, «как в кинотеатре», какой-то экшен. И каждый раз, когда там начинались погони с перестрелками, Кире через стенку казалось, что она сама принимает в них участие. Перебивая звуки стрельбы, будто соревнуясь с ними в громкости, Кира заставила Матвея надеть наушники. А потом с чувством победителя вернулась на диван и продолжила смотреть очередной эпизод своего сериала.

«Нежели он не понимает, что не прав?» - думала сейчас Кира, лихорадочно скользя пальцем по экрану. – «Я ведь не прошу многого, просто мне хочется немного больше внимания и заботы».

15.28.

Кира взглянула на время, глубоко вздохнула, отшвырнула смартфон в сторону и зашагала на кухню. Она вдруг осознала, что жутко проголодалась.

А ведь сегодняшний день должен был пройти совсем иначе. Сегодня годовщина их знакомства. И они планировали устроить вечером романтический ужин со свечами. Матвей с Кирой хоть и жили в спальном районе, но с их балкона на девятнадцатом этаже открывался головокружительный вид на город. Особенно по вечерам, когда казалось, что кто-то на горизонте рассыпал светящийся бисер. Эффектнее всего выглядел район небоскребов. Они были такими микроскопическими и игрушечными, что к ним хотелось протянуть руку и нацепить на грудь, как значок.

Вчера Матвей заскочил по дороге с работы в магазин за фруктами. Сочные стейки, - по крайней мере, так было написано на упаковке, - они купили еще неделю назад. Об овощах, которые предполагалось потушить, они тоже позаботились заранее. По случаю праздника Кира с Матвеем решили откупорить вино, которое купили пару лет назад в Сан-Марино. Вообще-то они не планировали туда заезжать. Но после Рима рванули в Милан, а оттуда – в Римини, от которого до этого крохотного города-государства рукой подать. Перед поездкой перечитали в интернете кучу негативных отзывов о том, что делать там нечего – хватит всего-то несколько часов, чтобы пробежаться по беспощинным магазинам, напилить фоточек для соцсетей на фоне крепостной стены и вернуться в цивилизацию. Но Кира с Матвеем всегда все делали наперекор. Они забронировали номер в отеле и сели в автобус. Через пару часов он поднял их на трехголовую, совсем как у драконов из сказки, гору, на которой и расположился город-крепость.

Днем там действительно было не протолкнуться. По узким улочкам мельтешили тысячи людей, которых экскурсионные автобусы только успевали подвозить. Они заполняли винные лавки, магазинчики с одеждой и женскими сумками. За час-два, которые выделял им гид на знакомство с городом, они должны были успеть купить все то, за чем и едут в Сан-Марино.

Не давала скучать и погода – то светило жаркое итальянское солнце, то вдруг набегали английские тучи и орошали водой суесящихся внизу людей. Громко смеясь, Матвей с Кирой заскакивали в первый попавшийся бутик, вытягивали один из зонтов из стоящей у дверей подставки и под ним, как под огромным куполом, отправлялись гулять дальше.

Но чем ближе к вечеру, тем меньше на улицах становилось людей. Словно кто-то выметал их большой метлой. «Вшиххх!» - и вот уже можно брести по узенькой улочке, не касаясь никого плечом. «Вшиххх!» - можно зайти в крохотный магазинчик и спокойно осмотреть и потрогать каждую вещь. В каком-то винном бутике Матвей с Кирой позволили продать себе бутылку вина. Ах, как красиво продавец и сомелье в одном лице преподнес свой товар. Он не расхваливал, а пел. «Я чувствовал, что у меня сегодня будут уникальные посетители, а потому, на всякий случай, припас бутылочку красного вина», - заговорщеским тоном произнес мужчина в черном фартуке поверх красного поло. От его опытного взгляда, конечно же, не укрылись счастливые лица это парочки. Он говорил о том, что виноград для этого вина выращивают на склонах действующих или потухших вулканов, что насыщает их минеральным ароматом, отсутствующий в других сортах. Говорил о том, что выпускают это вино специально для Ватикана и как им повезло, что небольшая партия случайнейшим образом оказалась в его магазинчике. Даже если он забалтывал так каждого посетителя, это все равно было красиво. От приветливого продавца с ястребиным лицом Матвей и Кира уходили довольные, с бумажным пакетом, где в толстостенной бутылке величественно перекачивались бордовые волны, а на этикетке красовалась непонятное пернатое создание. На прощание услышали наказ открыть вино за час до употребления приема, чтобы оно насытилось кислородом и избавилось от излишней терпкости – «так делают в Ватикане».

А поздним вечером они остались совершенно одни в стране! Сан-Марино накрыл густой туман, который полз по улицам, съедая верхние этажи зданий и придавая им совершенно мистический вид. Казалось, что прямо сейчас откуда-нибудь вынырнут молчаливые монахи и отправятся на тайную мессу. Матвей с Кирой и сами молчали, очарованные и потрясенные увиденным.

Они уехали утром, когда городок наполнился привычной суетой, и от ночной потусторонности не осталось и следа. По дороге решили открыть вино на годовщину своего знакомства.

17.30

«Не будет тебе никакого вина» - сердито подумала Кира. – «И романтического ужина тоже не будет». Она вытащила из холодильника накануне перенесенный туда из морозилки брикет с двумя мраморными ломтями, ловко их измельчила. Через час макароны с мясной заправкой, - самый банальный ужин в мире, - были готовы.

17.50

Кира снова удобно устроилась на диване. Взяла сиротливо валяющийся телефон. Зашла в мессенджер. Матвей был записан в ее телефонной книжке коротко: «Лю». Он постоянно смеялся: «Звучит так, как у многих написано «Дебильная реклама» А ты просто не дописала и полностью должно звучать так: «Люлей отвесить».

Матвей заходил в сеть совсем недавно, десять минут назад. Последнее сообщение от него пришло утром, в 10.15, когда она ездила в супермаркет и Матвей попросил купить ему пирожных. Он обожал сладкое.

Кира вздрогнула. Почему она начала думать о нем в прошедшем времени?

«Не смей!» - приказала она сама себе.

Вроде, на улице было тепло, даже жарко. Но комнату, как после хорошего осеннего ливня медленно и даже нагло пропитывала сырость. Она превращала квартиру, которая еще утром казалась уютным гнездышком, в тяжелый и вечно холодный склеп. Кира поежилась от сравнения и накинула на плечи цветастый плед, который всегда лежал на диване. Сразу стало спокойней.

Конечно, умом Кира понимала, что была не права. А ее претензии, если разобраться, были совершенно пустяковыми. Сейчас Кира оправдывала себя тем, что таким способом она пыталась привлечь к себе внимание Матвея, дать понять, что ей не хватает его заботы, ласки, участия в ее жизни. Но почему же не предложила просто сесть и поговорить обо всем, что беспокоит, почему не предложила обсудить проблемы и решить, как быть дальше? В последний месяц с ней вообще происходило что-то странное. Как будто сделали трепанацию, после которой она очнулась совсем другим человеком.

Кира осознала, что сидит без света. Солнце уже почти сползло за линию горизонта, через окна в комнату вваливались наступающие сумерки. Но на девятнадцать этажей ниже жизнь и не думала униматься. Голосами сварливых старух периодически звучали резкие звуки клаксона. Визжали дети. Который вообще час? Кира ткнула пальцем в телефон. С экрана на нее тут же взглянул улыбающийся Матвей. Казалось, он сейчас спросит: «А давай посмотрим какой-нибудь фильм?» Это селфи они сделали примерно год назад, когда ездили к морю. Каждый раз, когда Кира видела эту фотографию, она чувствовала исходящее от нее тепло. Да и вообще оба получились на этом снимке классные. Веселые и беззаботные, словно из другой жизни. Ветер растрепал русые волосы Матвея, от чего он выглядел до безобразия милым и даже плюшевым.

20.18

Матвей как отметил в сети в 17.40, так больше в ней и не появлялся. Экран выжидающе померцал зеленоватым светом в надежде, что еще может быть полезным. А после равнодушно скрыл в темноте яркие воспоминания.

Кира положила телефон рядом экраном вверх, чтобы, когда сообщение придет, она сразу это увидела. Обхватила руками ноги и уткнулась лбом в колени.

Матвей первый раз психанул настолько, что хлопнул дверью. Но вообще-то он был отходчивым. Собственно, как и Кира. Обоим было достаточно часа – кто-то из них обязательно подходил с обнимашками. По идее, Матвей давно должен был прислать ей какой-нибудь влюбленный смайлик, и написать что-нибудь вроде: «Прости» Не говоря уже о том, что он давно должен быть дома.

«А что, если?..»

Эти три слова, да даже не слова, а всего лишь частицы, которые по отдельности не несут никакого смысла, медленно проявились в мозгу, как изображения на фотобумаге. А вместе с ними пришел липкий страх. Липкий, потому что за этим вопросом притаилась полная неопределенность, в которой могло быть, что угодно. Изломанное и распластанное под колесами машины тело Толща воды над головой, настолько грязной, что сквозь нее не могли пробиться солнечные лучи... Фатальный удар кулаком и следом – удар головой о бордюр и хруст, как от ломающейся скорлупы

Кира вдруг почувствовала тревогу, будто ее вкололи в вену и укол этот начал действовать. По телу расходилась противная слабость, которая не давала сосредоточиться. Из Киры как будто вытянули все радостные эмоции. Хотелось плакать. Но слезы так и не смогли вырваться наружу. Они застыли внутри тяжелыми каменными виноградинами, мешая нормально дышать. Горло давило так, будто на нем оказался высокий воротник на два размера меньше.

20.55 «Ты домой собираешься?»

Кира нажала «отправить». Телефон пискнул и сообщение тут же отпечаталось в переписке.

«Нет, все понятно, можно пообижаться какое-то время, но не настолько же. Да и что вообще за дурацкая история – уходить из дома? Ну поссорились, с кем не бывает, но не хлопать же дверью! Вот только вернись!» - возмущалась про себя Кира. Но уже как будто бы шепотом, с опаской подумать что-то, о чем потом придется сильно пожалеть.

Ночью Кира ненадолго забылась. Но как только тело стало расслабляться, ее словно кто-то толкнул в бок. Она дернулась и сонно уставилась в темноту. Или в пустоту. Постепенно реальность завладевала ею. Перед глазами снова возник Матвей. Кира повернулась на правую половину кровати, где он всегда спал. У каждого из них было свое одеяло. Засыпали они в обнимку, но под утро Матвей по детской привычке переползал под свое и заматывался в него с головы до ног. «Я оукливаюсь», - хохотал он.

23.25 Ты где?

Сейчас его пространство пустовало. Ненадолго выглянувшая из-за туч луна лениво прошла по строгим углам подушки. Кира нырнула под одеяло Матвея, укуталась в него и свернулась калачиком. Так же, как делал он. Хотелось плакать, но слез не было. Только ощущение выжженной пустыни внутри.

Нет, кто-то должен сделать тот самый первый шаг, о котором без умолку говорят психологи. Кира набрала номер Матвея. Сердце почему-то стало биться быстрее. Вот сейчас он снимет трубку и она услышит его привычное короткое: «Привет!» Но после небольшой паузы механический голос обдал холодом: «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети. Попробуйте»

Не дослушав, Кира отключилась. Это было странно. Матвей недавно купил новую модель. Он вообще был помешан на одном бренде. Чуть ли с трепетом ждал, когда компания проведет презентацию очередной обновленной модели, а после считал дни до того момента, когда она доберется до магазинов. Кира не понимала, как можно фанатеть от какой-то железки с микросхемами. Сама она уже три года пользовалась одним смартфоном, и он ее полностью устраивал. Но скандалов из-за очередной «игрушки», которая неизменно пробивала дыру в

семейном бюджете, она не устраивала. Хватало и других поводов для ссор. Но, главное, что буквально неделю назад Матвей хвастался, что телефон отлично держит заряд», хватает на весь день. Так что вряд ли он разрядился. Да и где нужно находиться, чтобы не найти пауэр-банк или где не было бы сети? Интернет уже давно есть, кажется, даже в аду.

23.58 Напиши хотя бы, что с тобой все в порядке

Очередной вопрос Киры провалился в пустоту.

00.19 Матвей, не молчи

00.20 Матвей, пожалуйста

00.22 Прости меня

Под каждым – одинокая галочка.

Не доставлено.

Не прочитано.

Не известно.

Кира отчетливо почувствовала накатывающее ощущение безнадежности. Ее сердце сваливалось вниз, переставало биться, а потом с трудом забиралось на место. Она вдруг поняла, что может больше никогда не увидеть Матвея, не услышать его ночное сопение, не почувствовать тепла от ег

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.